

M. Manolitu Manea. Sistematica substitutelor din Româna contemporana — Bucu-
reşti, Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1968, 232 стр.

В последние годы наблюдается усиленный интерес к изучению местоимений в разных аспектах, в том числе и в плане их значения и функционирования. Методы описания языка, предполагающие опору на формальные критерии, способствовали тому, что класс местоимений как бы распадался на мелкие подклассы, имеющие разное распределение, каждый из которых вошел в какой-либо из общезначимых подклассов на основе общих с ним дистрибутивных признаков¹. Между словоформами, традиционно относимыми к классу местоимений, оказалось мало общего, их объединение в одну часть речи представлялось условностью, основанной на недостаточности последовательного описания их формы и дистрибутивных особенностей. На первый план в описании местоимений вышло то, что их разъединяет. Нельзя при этом не отметить, что акцент на различиях позволил выявить ряд важнейших особенностей местоимений, которые проливают свет на их роль в языке и на весьма существенные функциональные различия форм, традиционно считавшихся элементами одного ряда (например, личные местоимения 1, 2 и 3-го лица)².

Однако в последние годы в связи с возрастающим интересом к семантической стороне языка и к функционированию языковых элементов, вновь появился ряд работ, посвященных местоимениям, как единому классу слов³. Авторы этих работ пытаются исходить из того общего, что свойственно местоимениям, из тех их свойств, которые объединяют внешне различные единицы в широкий класс слов, связанный общим функциональным признаком субституции⁴. Изучение местоимений как субститутов стимулируется также интересом к анализу структуры предложения и связей между его элементами и к изучению отношений между отрезками, большими, чем предложения. Исследование этих связующих элементов с целью выявить их системные особенности и представить их как единое целое и составляет основное содержание книги М. Манолиту Маня, о которой пойдет речь ниже.

¹ Ср., например: А. А. З а л з н я к, Русское именное словоизменение, М., 1967.

² R. J a k o b s o n, Essais de linguistique générale, Paris, 1963.

³ Ср., например: Е. М а й т и н с к а я, Местоимения в языках разных систем, М., 1969.

⁴ Ср., например: J. D u b o i s, Grammaire structurale du français, Nom et pronom, Paris, 1965; R. H a r w e g, Pronomina und Textkonstitution, München, 1968.

Монография М. Манолиту Маня «Систематика субститутов в современном стандартном румынском языке» состоит из четырех частей. В первой рассматривается инвентарь инвариантов субститутов, т. е. очерчивается круг единиц, о которых пойдет речь, на основе парадигматических и синтагматических критериев. Во второй части анализируется семантическая структура субститутов, в третьей — их поверхностная структура и, наконец, в последней, четвертой части дается собственно систематизация субститутов. Каждая часть в свою очередь распадается на главы.

М. Манолиту Маня отмечает, что распространенный в современных грамматиках термин «субститут» (Фриз, Потье, Харрис и др.) на первый взгляд кажется лишь подменой термина «местоимение». Между тем, очевидно, что не все субституты являются местоимениями (ср., например, субституты глаголов типа франц. *faire*) и не все местоимения можно считать субститутами.

В речи можно выделить группу единиц, которые обеспечивают повторяемость элементов речи, позволяя связывать частицы содержащейся в ней информации. Эти единицы можно разделить на две большие группы: к первой относятся морфемы рода, лица, числа, которые характеризуются синтагматической и парадигматической идентичностью повторяющихся элементов и неидентичностью их с элементами, для повторения которых они служат, ко второй — субституты, которые одновременно представляют собой и элементы связующие, и те элементы, которые связываются. В этом смысле с ними сближаются синонимы или близкие по значению слова, которые также могут служить повторению информации в контексте; ср. *Одним из лучших романов этого писателя является... В этом произведении автор описывает* (стр. 33). Связь в этих случаях достигается общей семой (или рядом сем), имеющих у замещаемого (*роман, писатель*) и замещающего (*произведение, автор*) элемента.

Субституты и замещаемые ими элементы также имеют общие семы. Возможность получить информацию через субституты основана на том, что они имеют по крайней мере одну общую сему с замещаемым элементом. Так, например, субститут имени и имя имеют общую сему «предметности», субституты наречия имеют общую с замещаемым элементом сему «пространственности» или «темпоральности» и т. п. В то же время, в отличие от морфем согласования, у субститутов никогда не наблюдается полного совпадения с замещаемым элементом — очевидно, что имя и его субститут имеют раз-

ное число и состав сем. Среди сем, отличных от сем замещаемого элемента, субститут всегда включает сему, которая указывает на связь субститута и замещаемого слова; так, например, субститут *cîteva* «некоторые» содержит сему, указывающую на то, что речь идет о части замещаемого элемента.

Таким образом, автор дает семантическую характеристику слов, которые можно считать собственно субститутами, справедливо отмечая в то же время, что с точки зрения структуры сообщения функция субституции может быть присуща и другим единицам (морфемам и синонимам). Разаумеется, само понятие субституции можно толковать по-разному, более широко и более узко. Так, например, в терминах субституции можно рассматривать не только соотношение разных элементов текста, относящихся к одному денотату, но и элементов, определяющих с разных сторон одну и ту же ситуацию. Однако определение круга единиц, единственной или основной функцией которых является субституция, представляется весьма важным. Это мы и находим в рассматриваемой книге.

Дав семантическую характеристику субституту, автор пытается далее очертить тот же круг явлений с другой стороны — по их дистрибутивным особенностям.

Для того чтобы определить инвентарь субституту, автор исследует контексты, где могут встречаться в идентичных условиях замещаемые и замещающие элементы. Для этой цели была сделана сплошная выборка из текстов общим объемом 100 000 слов. Как критерий возможности или невозможности данной структуры использовалась также речь автора. При рассмотрении условий замещения существительных разными видами субституту было определено, что существуют контексты, в которых встречаются только две традиционные части речи — существительные и местоимения. Эти диагностические контексты могут быть представлены в виде вопросно-ответных структур, например: *Cine (poate) spune?* «Кто (может) сказать?»; *Ce vezi?* «Что (ты) видишь?» и т. п. Ответы могут даваться в утвердительной и вопросительной форме (в виде переспроса): *Cine spune? Cine? Eu.* «Кто говорит? Кто? Я». В перечисленных контекстах встречаются существительные нарицательные и собственные, с артиклем и без, часть традиционных местоимений и некоторые числительные (в книге даются списком).

Подобные контексты составляют три группы, в каждую из которых входят разные виды полнозначных имен и субституту. Субституту, которые могут появляться в одном контексте с существительными (примеры этих контекстов, входящих в первую группу, приведены выше) и называются субститутами имени. Таким

же образом определяются субституты прилагательных. Автор подчеркивает при этом, что диагностические контексты индивидуальны для каждого языка.

По-видимому, изучение диагностических контекстов, является лишь дополнительным средством характеристики субституту. Оно позволяет скорее разбить на группы сами субституту, чем отграничить субституту от несубституту, например, от существительных-синонимов, которые встречаются в тех же контекстах (см. пограничные случаи вроде франц. *l'homme*, рум. *om* и т. п.). Исходным критерием субституции являются, очевидно, семантические отношения замещающего и замещаемого элементов.

Выделив субституту существительных, прилагательных и т. д., М. Манолу Маня рассматривает отношения между замещаемым элементом и его субституту, которые могут иметь характер 1) взаимного включения (сюда относятся такие субституту, как заместители глаголов, прилагательных, наречия *acum* «сейчас», *acici* «тут», личные местоимения); 2) одностороннего включения (например, неопределенные и партитивные местоимения, как *unele* «некоторые» и т. п.), и 3) исключения (детерминативы — заместители прилагательных: *rochia albastră mi-a plăcut mai mult decit aceea verde* «голубое платье мне понравилось больше, чем зеленое», где *aceea* исключает *rochia albastră* «голубое платье» и относится только к *verde* «зеленое»).

Класс субституту не полностью совпадает с традиционными местоимениями. Так, например, местоимения *însuși* «я сам», *mult* «много», *cîteva* «некоторый», согласно приведенному критерию, не являются субститутами. В то же время субституту *acici* «здесь», *acolo* «там», *atunci* «тогда» и др. обычно относят не к местоимениям, а к наречиям.

Представляется, что определение субституту с двух сторон — по семантическим отношениям с замещаемым элементом и по общности их дистрибуции — позволяет достаточно однозначно выявить класс соответствующих единиц. Между тем, далее автор рассматривает вопрос о субституту в еще одном аспекте, а именно с точки зрения отношения между отправителем и получателем сообщения (на основе выдвинутого Р. Якобсоном понятия подвижных определителей, англ. *shifter*, франц. *embrayeur*, рум. *ambretor*), с одной стороны, и референционной отнесенностью языковых элементов — с другой. При этом М. Манолу Маня выдвигает новое понятие «экономизатора», которое обозначает класс единиц, указывающих на «элементы, известные как отправителю, так и получателю и обеспечивающих таким образом более быструю и экономную передачу сообщения» (стр. 46).

Экономизаторы соединяют в себе рефе-

рениционные свойства как имен собственных, предметная отнесенность которых от высказывания к высказыванию не меняется, так и имен нарицательных и прочих полнозначных слов, предметная отнесенность которых может быть различной в различных высказываниях. Экономизаторы представляют собой класс, более широкий, чем субституты. Субституты и экономизаторы имеют широкую зону пересечения — это личные, указательные и неопределенные местоимения, определенный артикль, некоторые наречия. Только к субститутам (но не к экономизаторам) относятся заместители глагола, прилагательного, фразы. Морфемы времени, наречия времени, места и образа действия, неопределенные наречия — это экономизаторы, которые не являются субститутами.

Как нам кажется, понятие экономизатора довольно неопределенно и вряд ли необходимо. Оно неоправданно усложняет общую картину отношений замещаемых и замещающих элементов, заставляет строить две частично совпадающие системы (ср. схемы на стр. 214 и на стр. 217). Вряд ли целесообразно пользоваться совершенно различными критериями для определения границ одного и того же явления, тем более столь сложного как субституты. Нет ничего удивительного, что при этом получаются несовпадающие подклассы, соотнесенные друг с другом довольно неопределенным образом.

Если за исходную точку при определении класса единиц берется структура сообщения, то следовало бы рассматривать свойства именно этого и только этого класса единиц (экономизаторов). Если же за основу берутся соотношения замещаемого и замещающего (субститута), то вряд ли следовало вводить еще один близкий, но не совпадающий с первым класс явлений. Параллельное использование понятия о двух сходных, но не идентичных классах единиц, определенных на основе разных и не соотнесенных друг с другом подходов, лишь затемняет картину, и без того сложную. Целесообразнее было бы, по-видимому, найти критерии выделения тех единиц, которые составляют дополнительное звено в схеме экономизаторов, т. е. не являясь субститутами, играют специфическую роль при передаче сообщения (это главным образом некоторые виды наречий с обобщенным значением *unde* «где», *cind* «когда», *totdeauna* «всегда» и т. п.).

Во второй части книги рассматривается, как уже говорилось, семантическая структура субституты. Этот раздел чрезвычайно интересен, так как в нем делается попытка выявить те оппозиции плана содержания, на которых основано построение местоименных подсистем. Особенно интересно при этом то, что в исследовании включаются не только основные подклассы местоимений, личные, притя-

жательные, указательные, которые неоднократно описывались с разных точек зрения, но и подклассы, систематизация которых представляет большую сложность — неопределенные, отрицательные и т. п. Эти местоимения, как известно, в румынском языке весьма многочисленны. Рассмотрим, например, как анализируются неопределенные местоимения. М. Манюлиу Маня подчеркивает, что зона неопределенных местоимений румынского языка обнаруживает очень большое разнообразие семантических оттенков. Прежде всего местоимения, традиционно называемые неопределенными, можно разделить на две семантические группы: так называемые «тоталитарные» (*totalitar*) — *tot* «весь», *fiecare* «каждый», *orice* «любой» и т. п. — и «партитивные» (*partitiv*) — *cutare* «некоторый», *cineva* «кто-то», *altul* «другой» и т. п. «Тоталитарные» и «партитивные» формы в свою очередь распадаются на ряд подклассов. Так, формы, имеющие признак «тоталитарности», делятся на «глобальные, обобщающие» (*global, generalizant*) и «необобщающие» (*non-generalizant*). Первым признаком обладают такие, например, субституты, как *tot* «всё», *toți* «все», которые указывают на совокупность, а вторым *fiecare* «каждый», *oricare* «любой», *oricine* «что угодно» и т. п., которые указывают не на всю совокупность, а на отдельные ее элементы.

Эти формы характеризуются еще рядом признаков, образуя пересекающиеся подклассы. Так, они различаются по признаку непрерывности (*continuu*) — прерывности (*discontinuu*), например, *tot* «всё», где совокупность рассматривается как единое целое, и *toți, toate* «все», где совокупность представлена как членимая на элементы. Это противопоставление оформляется морфемой числа. Формы *fiece* «каждое», *fiecare* «каждый» имеют признак «сепаративности» (*separativ*) — каждый из элементов совокупности; формы *orice* «любое, какое угодно», *oricare* «любой, какой угодно» — признак «несепаративности» (*non-separativ*) — выбор элемента безразличен. Это противопоставление выражается, как можно видеть, различием морфем *fie-* и *ori-*. Отметим, что сами термины «сепаративный — несепаративный» представляются не слишком удачными, так как не объясняют смысла оппозиции. Еще один признак — «персональность» выражается формантом *-care* (*fiecare* «каждый», *oricare* «любой») признак «неперсональности» — формантом *-cine, -ce:* *fiecine, fiece* «каждое», *oricine, orice* «что угодно». Каждый признак рассматривается с точки зрения его реализации в тех или иных контекстах. Показывается, в каких контекстах то или иное противопоставление нейтрализуется. Таким же образом анализируются другие группы местоимений.

Попытка систематизировать в плане содержания столь сложно и непоследовательно организованную группу единиц,

какой являются неопределенные местоимения, представляет чрезвычайный интерес. Трудно сказать, описывают ли наилучшим образом семантику этих форм именно те признаки, которые предлагаются в рецензируемой книге. Однако сам подход к систематизации неопределенных местоимений через наборы семантических признаков кажется очень плодотворным. М. Манолу Маня предлагает применить подобный метод к латыни, где система неопределенных местоимений была еще более сложной, и к другим романским языкам. При этом оказывается, что аналогичная система признаков позволяет описать местоимения и этих языков, хотя при этом требуется внести некоторые изменения и добавления. Так, для латыни необходимо добавить признаки универсальности (*totus* «весь») — интегральности (*omnes* «все»), субъективности (*quivis, quilibet* «кто хочешь, любой») — объективности (*quisquis* «всякий») и некое др. Однако интересно отметить, что реализация в общем сходной для румынского и других родственных языков системы признаков почти всегда различна; наборы признаков, характеризующие соотносительные местоимения разных языков, почти нигде не совпадают. Сравнение признаковой характеристики аналогичных местоимений родственных языков позволяет выявить любопытные различия между ними.

Третья часть книги посвящена поверхностной структуре субститутов, точнее дистрибутивным особенностям единиц, обладающих различной семантической структурой. Наибольший интерес, как кажется, представляет в этой части анализ употребления субститутов в разных видах контекстов (предложный, вопросительный, отрицательный, с распространением посредством существительного, прилагательного, в сочетании с морфемой числа и рода и т. п.). В результате все местоимения, независимо от их семантической структуры, распределяются по дистрибутивным подклассам. Итоги дистрибутивного анализа 52 субститутов (личных, указательных, неопределенных и др.) подведены в таблице, где указывается для 10 ключевых (наиболее частотных) контекстов, в каком из них может, а в каком не может употребляться данное местоимение. Далее выясняется, какие местоимения могут встречаться в общих контекстах, какие это именно контексты, сколько их и т. д. Так, например, демонстративы с самого начала отделяются от прочих местоимений, так как они могут входить в тех или иных комбинациях во все 10 релевантных контекстов. Напротив, возвратные имеют только один контекст, общий с другими формами. Отрицательные местоимения характеризуются комбинациями восьми контекстов и т. д. Дистрибутивный анализ приводит к выводу, который, собственно говоря, можно

было предвидеть, что субституты не составляют иерархии дистрибутивных подклассов, а представляют собой конгломерат групп, весьма пестрых по составу и свойствам. Построить единую схему, основываясь на свойствах поверхностной структуры субститутов, по-видимому, не представляется возможным.

Завершается рассматриваемая часть разделом статистики, где приводятся данные (в абсолютных цифрах и процентах) об относительной употребительности различных подклассов местоимений и отдельных форм в разных контекстах, по отношению к общему количеству слов в тексте, частотность местоимений в одном контексте, близких по значению местоимений по отношению друг к другу и т. п. Все эти сведения представляют бесспорный интерес.

В четвертой части, собственно систематике, подводятся итоги исследования, строится система субститутов и отчасти не совпадающая с ней система экономизаторов, в виде дерева семантических признаков, основанная на иерархии осей, где элементы, расположенные на высшей оси, не входят в оппозиции на низших осях. Поскольку субституты — это в первую очередь элементы повтора (итерации), отношение между информацией, которую дают два элемента, находящиеся в отношениях итерации, т. е. замещаемый элемент и субститут, считается первой осью системы. Эта ось называется гетеродесигнативной, так как здесь речь идет в сущности об отношениях десигнатов (обозначаемых). Эта ось членится на два элемента — взаимовключение и отрицание взаимовключения, последние различают в свою очередь одностороннее включение и исключение (об этих признаках говорилось выше). Дальнейшее ветвление дерева основано на признаках, связанных с характеристикой объекта, к которому относится субститут. Эти оси могут быть названы гомодесигнативными. Они выражают внутренние или внешние свойства обозначаемых объектов (интрадесигнация и экстрадесигнация).

На оси интрадесигнации мы находим, например, личные и возвратные местоимения, а также неопределенные, а на оси экстрадесигнации — наречия места *aci, acolo, acut* и демонстративы. Отрицание «нет» и утверждение «да», а также субституты прилагательных и глаголов выражают только утверждение или отрицание того, о чем говорилось прежде, не добавляя никакой другой информации, — их можно считать нейтральными элементами интрадесигнации.

Дальнейшее членение связано со свойствами отдельных местоименных подклассов. Структура подкласса неопределенных местоимений («тоталитарные — паритивные» и т. п.) была показана выше. Личные местоимения содержат оппозиции «отправитель — получатель», «говоря-

щий — не говорящий» и т. д. Возвратные соотносятся с личными по оси «совпадения (возвратные) — несовпадения (личные)» и т. п.

Рассматривая семантические свойства каждого местоименного подкласса, автору удается представить в системном виде все имеющиеся в румынском языке субституты.

Как можно видеть уже из сказанного выше, признаки, по которым строится система, весьма разнообразны и неоднородны. Впрочем нельзя не признать, что неоднородность является свойством описываемого класса явлений и такое построение системы обусловлено их природой. Вероятно, дерево могло бы быть построено и иначе, если выбрать другие признаки и по-другому определить их иерархию, например, взять за основу отношение отправителя — получателя, совпадения — несовпадения с субъектом и т. п. Однако бесспорно, что опыт организации местоимений в систему на основе признаков плана содержания представляет большой интерес.

Выше шла речь только об основном содержании работы М. Манолиу Маня. Кроме того, в книге содержится еще несколько подразделов, где рассматривается ряд спорных вопросов, связанных с анализом румынских местоимений. Некоторые из них представляют интерес и для общей романистики. Так, например, в главе 2 (первой части) исследуется вопрос о том, существуют ли в современном румынском языке посессивные местоимения, в главе 3 — статус так называемого полунезависимого местоимения (*semi-dependent*), которое многие считают артиклем, в главе 5 — полунезависимые местоимения в разных романских языках и т. п. Поцутно с описанием семантической и внешней структуры субститут-тов ставится множество других вопросов, так или иначе с ними связанных, приводятся различные подсчеты и т. п.

В заключение можно отметить следующее. Большим достоинством книги является то, что автор предлагает свою оригинальную методику анализа, основанную на теоретических положениях современной лингвистики, а как известно, разработка новых методов составляет важнейшую задачу научных исследований. При этом особенно ценно, что предложенная методика применяется к языковому материалу не выборочно, а со сплошным охватом соответствующих явлений. Разумеется, нельзя считать, что данные приемы анализа являются единственно правильными, однако возможность реализовать их на материале и притом не одного языка бесспорно говорит в их пользу. В то же время хотелось бы, чтобы методика описания была более по-

следовательной и единообразной, ведь исследователя в одном, заранее заданном направлении. Разумеется, сложность самого предмета является источником того, что приходится пробовать описывать его то с одной стороны, то с другой, основываясь на различных возможных критериях. Представляется все же, что если бы исследование было построено более компактно, оно бы от этого только выиграло.

Стремление всесторонне охватить изучаемый материал иногда приводит к смешению различных подходов и трактовок, чрезмерной усложненности построения, недостаточной взаимосвязи в изложении некоторых вопросов. Рассмотрение материала в разных аспектах, с одной стороны, является достоинством книги, поскольку позволяет показать изучаемые явления во всем многообразии их семантических и структурных свойств; но, с другой стороны, создается впечатление, что до сих пор неясно, какие именно свойства следует брать за основу описания — семантику или форму (в данной работе вопрос, по-видимому, решается в пользу семантики), какие критерии следует считать исходными, а какие — второстепенными. Так, например, в одном из разделов мы находим классификацию субститут-тов на основе анализа по непосредственно составляющим, которая исходит из того, какие синтаксические комплексы замещают субституты (субститут фразы, субститут группы, субститут одного из непосредственно составляющих группы, например, артикль или указательное прилагательное и т. д.). Выше говорилось о классификации на дистрибутивной основе, на основе отношений «отправитель — получатель» и о семантической классификации.

Как представляется, при исследовании местоимений наиболее плодотворным является тот путь, который ведет к изучению всякого рода отношений, как семантических, так и структурных, между субститутом и замещаемым элементом, поскольку именно он связан с исследованием функционирования элементов системы в контексте, с проблемой выбора того или иного субститута при данных условиях и т. п. Книга М. Манолиу Маня, содержащая большой и интересный материал по семантическим и структурным особенностям субститут-тов, их иерархии и взаимодействию присущих им признаков, представляет большой шаг в этом направлении. Исследования местоимений отдельных языков являются существенным этапом на пути построения общей теории местоимения, исходя из современного уровня лингвистических знаний.

Е. М. Вольф